

В 84 (2Рос = Рус) 6-5

Б 43

Юрий Белинский

КОМНАТА

ПЛАЧА

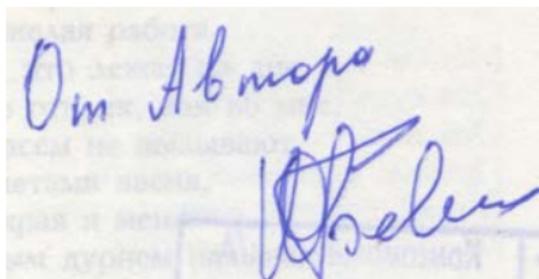
11В84(2Рос.РФс)6-5
Б 43

**ЮРИЙ
БЕЛИНСКИЙ**

КОМНАТА ПЛАЧА

Стихи и баллады

171346

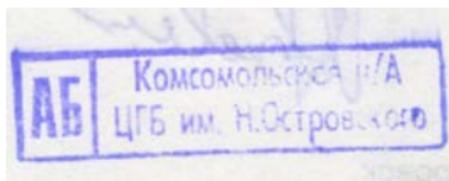
**Хабаровск
1997**

Юрий Белинский

Комната плача
Стихи и баллады

Редактор А. Лозиков

© **Белинский Ю. /автор/**

МОГИЛА

Могила вырыта моя.
Ее неровные края
Мою судьбу напоминают.
Она - последний мой приют.
В нее могильщики плюют
И камни весело пинают,
И не находят смысла в том,
Что надо им грустить о том,
Что вовсе и не их забота,
Что их не греет... И потом,
У них тяжелая работа.
И камни, что лежат на дне,
Такой же отклик, как во мне,
У них совсем не вызывают.
Они, монетами звеня,
Стоят у края и меня
Блаженным дурнем называют.

И верно!.. Ведь никто другой
В интимный час проникновенья
Души в свой будущий покой,
Не станет с нежностью такой
В могиле камни брать рукой,
Как будто камни преткновенья.

В моей могиле тишина.
Она пороков лишена.
Она явленье бескорыстья.
Она не требует вперед.
Но если что-то и берет,
То только жизнь, да гроб, да листья.

Не знаю я, что ждет за ней,
Ведь знанье - тот же шум камней.
Оно, по сути, примитивно...
Но, хоть прими, хоть откажись,
Я знаю, что такое жизнь.
И знанье это мне противно.

Могилы требует к себе.
Она судьба в моей судьбе.
Она мое полюбит тело,
Покуда, крыльями шурша,
В пространстве грешная душа
Метаться будет ошалело.

Прощай, любимая моя!
Хорошим трупом буду я
И буду жить в земле прилежно...
Не смей жалеть меня... Не смей!
Я знать хочу, что значит Смерть.
И знанье это неизбежно.

В ТРАКТИРЕ

Все начинается в трактире,
Как и положено, с тоски,
От беспорядка в этом мире,
Разбитом нами на куски.

Все начинается с застолья,
С речей о том, что все не то,
Затем хватаем в руки колья
И выясняем, кто есть кто...

В трактире, в час, покуда кисли
В тарелке щи и прела выть,
Дошел Раскольников до мысли
О том, что хочет он убить.

В трактире всякий Черт-Мессия
И провозвестник грозных бурь...
А что поделать? Пьет Россия...
И верит в собственную дурь.

И не считаться трудно с фактом,
Что с давних пор до наших дней,
Дорогу называют трактом,
Пока трактир стоит на ней.

Пусть даже сломаны суставы,
Пусть хоть потоп произойдет,
Трактир последний у заставы
Последний нищий не пройдет.

Все здесь: и дурень, и ярыжка...
И из трактира, наконец,
По тракту шел Распутин Гришка,
Чтоб превратить в трактир дворец...

В Москве, как встарь, в трактире Русском,
Сидел я, слушая цыган,
И видел, как в кармане узком
У мужика торчит наган.

И я, покуда не устали
Цыгане нагонять туман,
Завороженный блеском стали,
Пил и смотрел ему в карман.

Мужик пил фирменное пиво,
Среди красоток и громил.
-Ты где, мой Боже! - возопил я
И... лоб в тарелку уронил.

И в ней, судьбу представив смутно,
Но без тупого топора,
Дошел до мысли, что кому-то
Затосковать давно пора...

Затем, Арбат узрев внезапно,
Представил, сколько из квартир
Попрутся “новых” русских завтра,
По тракту этому в трактир.

И сколько из отдушин узких,
В которых жизнь и так горька,
В трактир попрутся “старых” русских..
Ну, не в трактир, так до ларька.

И, проходя попеременно
То здесь, то там, свой дом нашел
И крикнул: “Завтра непременно!”
И с этой мыслью спать пошел.

И думал в замкнутой квартире,
Уже стремясь к судьбе иной:
Все начинается в трактире...
Ну, в крайнем случае, в пивной!

ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ

Знаете, наверно, вы и сами,
Что Рожденья День не светлый час,
А момент с печальными глазами,
Жизни нашей суетная часть.

В этот день мы часто вспоминаем
То, что не явила нам судьба,
Будто бы кого-то поминаем,
Но, скорей всего, самих себя.

Кратки наши сумрачные жизни.
Нам о них жалеть не надлежит:
Кто-то убегает от Отчизны,
Кто-то к ней никак не прибежит.

Кто-то сам с собой изнемогает,
Злясь на одиночество в судьбе.
Кто-то безнадежно вымогает
Каплю одиночества себе.

Кто-то тратит жизнь свою, как деньги.
И не почитает жизнь за труд.
Кто-то верит в жизнь, как верят дети
В то, что видят, слышат и берут.

Фраки носим мы или тулупы,
Просто прозябанье наш удел.
Кто мы, как не те живые трупы,
Коиx Достоевский разглядел?

Он сумел до правды их возвысить
Потому, что был не так уж глуп.
Потому, что если поразмыслить,
То и он был тот же самый труп.

Ну а все иное - наваждение,
А еще точнее - ерунда.
И зачем нужны нам Дни Рожденья
Мы понять не сможем никогда.

Мои друзья переженились,
Ушли в дела, переменились,
Потомками обзавелись...
У них теперь другая жизнь.
Они забыли про беспечность,
Практичны стали и при встречах
Взирают на меня с высот
Своих семейственных забот.

А я, как “белая ворона”
Влетаю в каждые ворота,
Своей наивностью смешон.
Друзей, как прежних понимаю.
Практичность их не принимаю.
И... на нетрезвость подбиваю,
К неудовольствию их жен.
И сам себе внушить пытаюсь,
Что в их заботах не нуждаюсь,
Что не желаю их забот.
И... ухожу, не дожидаясь
Простых намеков на уход...

Вечерним городом иду,
От всех друзей своих далеким.
Быть одиноким на виду,
Вдвойне быть значит одиноким,
А ты не знаешь обо мне.
Прости нелепое признание,
Что мщу беспечностью тебе
За это долгое незнание...

Как больно давит темнота,
Когда в унылой комнатушке
Меня встречает пустота
Глазами старого кота,
Который дремлет на подушке.

Я говорю беззлобно: “Брысь!”
Сажусь, колени обнимая,
Еще тоскливей понимая,
Что буду ждать тебя всю жизнь...

ПТИЧКА

На улице грязное месиво,
Хоть ноги под голову прячь.
А птичка меж прутьиков весело
Все скачет и скачет, как мяч.

Я занят с утра и до вечера,
Усталым домой я иду.
А птичка глупа и доверчива
Все скачет, у всех на виду.

Иду я домой нецелованным,
И дома не ждут, чтоб обнять.
А птичка по прутьикам сломанным
Все скачет и скачет опять.

Я выгляжу загнанным путником,
И явью, и снами раним,
И птичка опять, как по прутьикам,
Все скачет и скачет по ним.

А как просыпаюсь, так кажется,
Что только глаза разомкну,
Так женщина рядом окажется
И жестом поманит к окну.

Но суну в окно свое личико
И вижу опять из окна:
От прутика к прутику птичка
Все скачет и скачет одна...

ФИЛОСОФИЯ ДОМА

Философия дома, где я проживаю,
Не жалея себя и не каюсь ни в чем,
Сохраняется в том, что я жизнь прожигаю,
Каждый день свою дверь открывая ключом.

Никогда не меняется жизнь в этом доме,
Где давно я свое назначенье забыл,
Как вовек не меняется фабула в томе
Старой книги, зачитанной мною до дыр.

Этот дом позабыт жилсоветом и Богом,
Но зато нищетой до краев он богат,
И с насмешкой висит на фасаде убогом
Закрывающий дыры красивый плакат.

Озираю квартиру затравленным взглядом
И молчу, к зеркалам повернувшись спиной.
Боже мой! Никого. Человека нет рядом.
Только пьяный сосед шебуршит за стеной.

Он забвеньем себя от забот устраняет.
Он от язвы пьет спирт и глотает алой.
Можно выйти в подъезд, но в подъезде воняет
Человечьей мочой и картошкой гнилой.

Коммунальная кухня меня умиляет.
На тарелке лежат два засохших блина,
И гулящая женщина всех уверяет,
Что она, как в поэта, в меня влюблена.

И в глазу, отразив световые потоки,
У нее не слеза, а дождинка горит.
Но куда убежишь от такой суматохи,
И откажешься как, если так говорит.

И поэтому я гулеваю с гулящей,
И с соседом своим пью разбавленный спирт.
И уже не хочу я судьбы настоящей
Потому, что не хуже поддельная спит.

И уже я не жду никакого ответа
На вопросы свои и хочу потому,
Чтоб хранилась пока философия эта
И мешала во всем только мне одному.

Пусть ее презентуют усталые тени
Тех, кого не страшит перспектива отстать,
Тени тех, кто не стали во времени теми,
Кем хотели когда-то со временем стать.

Им бы там посидеть, потереться бы возле,
Где селедка да хлеб или водка да квас.
Гнусно все. Но не так, чтоб отчаяться вовсе,
Потому-то от чая не мрут и у нас.

Потому и у нас каждый долг свой исполнит,
Вспомнит все и про всех, и сумеет забыть.
И надеемся: Бог нас любовью наполнит,
Потому, что иначе не может и быть.

СОСТОЯНИЕ

Когда ты уходишь из дома
Туда, где плечом не сомнут,
В тебе наступает истома,
Неистово ровных минут.

И вроде простор и свобода,
И делай, что хочешь уже.
Но тут же иная забота
В твоей возникает душе.

И ходишь по чистому полю,
Привыкшим углы обивать.
И ищешь свой угол. И волю
Не знаешь куда надевать.

То лютик сорвешь, то ромашку,
А то и на впалой груди
Рванешь резким жестом рубашку,
Не видя судьбы впереди.

То вдруг, в непонятном угаре,
Как суть и разгадку всего,
Идешь, собирая гербарий,
Чтоб выбросить тут же его.

То ляжешь на травы, то встанешь,
То пальцами давишь виски,
То фляжку из кейса достанешь
И выпьешь рюмашку с тоски.

И сладким становится бремя
Жестокой, но дальней игры,
В которой корежил ты время,
Его загоня в углы.

И взглядом находишь ты вербу,
На Богом забытом лугу,
И гнешь непокорную ветку,
Как ровное время в дугу...

РОМАНТИКА ПО-РУССКИ

Когда не накопил себе богатства,
Но все еще не высох от тщеты,
То думаешь с утра: “Куда податься?
Куда еще сбежать от нищеты?
Куда уйти от сущности убогой
И как, сбежав от этих ветхих пней,
Какой-нибудь единственной дорогой
Когда-нибудь дойти до светлых дней?”

Конечно, собираешься три года,
А иногда и вовсе тридцать лет:
То гнусная на улице погода,
То вовсе никакой погоды нет.
Но только позовет в дорогу ветер,
И только ногу сунешь за порог,
Дорога раскрывается, как веер,
На несколько “единственных” дорог.

И думаешь, ботинки обивая
От грязи, поналипшей на бока:
Какая же дорога столбовая?
Какая не сваляет дурака?
И вот идешь дорогой самой крайней,
И, думая, что можешь клад найти,
Вдруг видишь на пути лежачий камень,
Который никогда не обойти.

На камне этом высечена фраза:
“Нет истины в далекой стороне...”
Невольно удивишься: “Вот зараза!
А говорят Пророка нет в стране...”
И загрустишь от умственной нагрузки,
И пропадешь в березах без следа,
Все прелести романтики по-русски
Испытывая раз и навсегда...

ЛИФТ

Мается душа, премного мается.
Мечется опять по этажу.
Лифт скрипучий снизу поднимается,
А к кому - не знаю, не скажу.

Может быть туда он поднимается,
Где его не ждут давным-давно.
Вот он чепухой и занимается,
Будто дел серьезных не дано.

Но тогда зачем же он старается?
Может быть торопится ко мне?
Может быть теперь он поднимается,
Чтоб побыть со мной наедине?

Может на подъеме он сломается,
Потому что движется спеша,
Потому что тоже сильно мается,
Как моя заблудшая душа.

Может быть в нем кто-то обнимается,
Потому что это может быть.
Это очень просто понимается,
Как и то, что всем дано любить.

В это время что-то отнимается
От судьбы издерганной моей...
Мается душа, премного мается,
Видно остается мало ей.

Ниже этажом пес заливается.
Значит, обласкали там его.
Значит, лифт ко мне не поднимается,
Этажа достиг он своего.

Мной он по-другому понимается,
А не бедной белкой в колесе.
Мается душа, премного мается.
Псу под хвост пошли надежды все.

Что же, пусть для пса судьба сбывается.
И опять пусть лифт уходит прочь...
Все на этом свете забывается:
Лифт скрипучий, пес, судьба и ночь.

ДВОРНИК

Нет веников в России.
И дворник тихой ранью,
Растрачивая силы,
Метет какой-то дрянью.

По улице непраздной,
По бровке, да по луже,
Метет он дрянью разной
И дрянь метет, к тому же.

И мыслит как попало,
Не напрягая мозга,
О том, куда пропала
Березовая розга.

И лишь ворчит угрюмо,
Почесывая тело:
Не княжеская дума...
Не княжеское дело...

КОМНАТА ПЛАЧА

Здесь наша тоска не помеха.
Здесь наши дела не важны.
Мы ходим по Комнате Смеха
И значит смеяться должны.

Слегка утомившись походом,
По разным питейным местам,
Зашли мы сюда мимоходом,
Чтоб смысл не искать по кустам.

И вот, не остыв еще, наспех
Глядим, рассупонив пальто,
Глазами, открытыми настез,
Хотя и не знаем на что.

Кривые зеркальные сферы
Уродуют нас, как хотят,
То плечи сужая без меры,
То делая уши до пят.

То монстрами нас отражают.
И щерим мы хищный оскал...
Но жизнь иногда искажает
Похлеще подобных зеркал.

Нам скучно, противно и душно.
Но мы, как очнувшись от сна,
Смеемся, хотя комнатуха
Для нашего смеха тесна.

Мы нового здесь не увидим.
И старого здесь не найдем.
И скоро отсюда мы выйдем,
Но если точнее, то войдем.

Войдем мы, глаза свои пряча,
Не смея дела отложить,
В просторную Комнату Плача,
В которой нам выпало жить...

РУССКИЙ СОН

Он выспался за всех, кто сна не знал ночами.
И сложность бытия за всех он упростил.
За всех он отыграл пустыми мелочами.
И все в своей судьбе за всех он упустил.
За всех он выпил яд и горечь поражения.
И старые грехи за всех он замолил.
За всех он проиграл великие сраженья.
И сам себя за всех в забвенье заманил.

Что было от него? Одни слова да жесты.
Не грыз гранит наук. Над смыслом не потел.
Отечества алтарь его не помнит жертвы.
И сам не помнит он, чтоб жертвовать хотел.
Но вот пришел тот час, и он завыл от жажды.
И вспомнил трех калик, и вспомнил их завет.
И выпил их воды, как Муромец однажды,
Проснувшись после трех и трех десятков лет.
И выбил дверь ногой, показывая норы,
И жадно наблюдал, как ухом конь прядет.
И вышел за порог, и кинул в небо жернов,
И долго ждал, пока на землю упадет.
И в землю плуг вонзил, и вывернул наружу
Ее широкий пласт и взбросил на живот.
И стыд, и боль земли вобрал, как воздух, в душу,
И грозно зарыдал. И... вспомнил, что живет.

Тогда, наполнив ковш и выпив залпом брагу,
Пошел искать врагов, и вот, напав на след,
Дубиной разогнал какую-то ватагу,
Устал. И... спать пошел, еще на тридцать лет.

Утро.
Птицы просыпаются.
Я под деревом стою.
Грустно листья осыпаются,
Прям на голову мою.

Я не ведаю, что делаю,
Но душе моей невмочь...
Прислонясь плечами к дереву,
Простоял под ним всю ночь.

И уже засыпан ворохом
Листьев высохших его.
Спичку кинь и... вспыхну порохом
И... не будет ничего.

ПРИМЕТА

Был день высок и светел,
Была душа легка,
И я тебя заметил
Еще издалека.

И грянул бурной речью,
Но, глянув, вновь притих.
Несла ты мне навстречу
Лишь два ведра пустых.

И краткая остуда
На сердце вдруг нашла,
К реке, а не оттуда,
Беспечная, ты шла.

Ты шла. Ни в чем печали
Еще не находя,
Округлыми плечами
Игриво поводя.

Тогда я молвил бодро:
“В приметах нет вреда,
Пустые легче ведра,
Подумаешь, беда...”

Судьбе я бросил вызов,
Пропала голова.
Язык бы лучше высох,
Но сказаны слова.

Я был услышан сивой
Носительницей бед,
Нечистой, темной силой,
Которой как бы нет.

Смекнуть бы раньше, знать бы -
Не выпало. И вот
Не до, а после свадьбы
Пришел ее черед.

Качнулась зыбко почва,
Как марь, у ног моих,
И зябко злая порча
Коснулась нас двоих.

И ночь шумела садом
До самого утра.
А мы лежали рядом,
Как два пустых ведра.

Лежали без одежды
И вглядывались в мрак.
И не было надежды,
Что надо было так.

А утром молча встали,
Глаза подняв к заре.
И поняли, что стали
Чужими на земле.

Хотели разминуться,
Пойти хотели врозь,
Но даже отвернуться
И то не удалось.

Косясь из-под дувала,
Дыша на нас огнем,
Нам нечисть не давала
Покоя даже днем.

Смыкала нас упорно,
Мутила нашу кровь,
И, слушая, покорно
Мы верили ей вновь.

И шли по краю суши
Чумные от беды.
Неся пустые души,
Как ведра без воды.

Две рати во мраке сошлись,
Качаясь в ковыльных волнах.
И кучно костры разожглись
На старых славянских холмах.

И только рассеялся мрак,
Две силы друг друга нашли.
Ударил кулак об кулак.
И фланги в фаланги вошли.

И черные тучи ворон
Явились из небыли вдруг,
С татарских и русских сторон,
И сели на камни вокруг...

Отряд на отряд наседал.
И было кого убивать.
И ворон птенца назидал:
“Здесь можно клевать и клевать...”

Ломались, как спички, мечи,
И нам не узнать никогда,
Кому не хватило свечи,
Чтоб путь осветить в Никуда.

Студено текла Уперга,
Вливаясь в небесную гладь.
А ворон канючил, уча:
“Здесь можно клевать и клевать...”

И слышал вороний сынок,
Не глядя на серую мышь:
“Князь Игорь, боярин Бренок -
Все свежая пища, малыш.”

Храня мириады имен
И тысячи проклятых дней,
Мы - Повесть времен, до времен,
Которые вписаны в ней.

И к трупам остывшим слетать
Дано нам в удел от Творца,
Чтоб вечную память питать,
Чтоб повесть не знала конца...

Столетия с тех пор пронеслись.
Но, словно тяжелую кладь,
Оставили вечную мысль:
“Здесь можно клевать и клевать...”

О, Русские, где мы теперь?
Где наших пристанищ огни?
Саратов, Самара и Тверь -
Остались названья одни.

Теперь мы огромный базар,
Где время повернуто вспять,
Где правят калмык и хазар,
И дань собирают опять.

Дымит над мангалом мангал,
Гуляют Ахмед и Саид.
Где дух, что Кощя пугал?
Лишь вонь на подворье стоит.

У нас ничего на душе.
Пресытился сказкой народ.
Матрешка банальна уже.
Петрушка - тот просто урод.

И встав у судьбы на краю,
Без всяких волшебств и лампад,
Болотную кожу свою
Сдает Василиса в ломбард.

А старый Иван-дурачок,
Верней, неизбежный дурак,
Зажав миллион в кулачок,
Бежит похмеляться в кабак.

Ослаблена прежняя мощь,
Подавлены наши умы.
И Бог не желает помочь
Таким лицемерам, как мы.

До точки мы Русь довели,
Где рать набегаёт на рать.
И слышат опять ковыли:
“Здесь можно клевать и клевать...”

Опять вся Россия читает “Отче наш...”
И Бога чтит до новой крайности.
В монастырях ее и вотчинах
Колокола отбили к ранности.

И вот, еще не очень частые,
В миру посланники дебелие,
Идут монахи безучастные,
Неся молитвы в храмы белые.

Не почитатели и шкодники,
Юннаты и предприниматели,
Бегут вприпрыжку в храмы школьники,
Послав урок к такой-то матери.

На древних воинов похожие,
В плечах крутые и нарядные,
Идут калики перехожие,
Идут калеки неприглядные.

То слишком праздные, то грустные,
Кто поминать, кто просто каяться,
Идут простые бабы русские,
А непростые - мимо катятся.

Идут, не пряча взоров пламенных,
И волки рядом со овечками,
И там, во храмах белокаменных,
У алтарей стоят со свечками.

Стоят далекие и близкие.
Целуют крест, просвиру кушают.
Иные бьют поклоны низкие,
Другие просто пенье слушают...

И вот в молитвах день кончается.
И вероятной самой спутницей,
Лампада тусклая качается
Над Русью, словно над послушницей.

Она как рысь уже не мечется.
В пределы дальние не тычется...
Где своенравная помещица?
Где своевольная владычица?

Притихла мирно на обочинах.
Вот-вот уснет, без прежней грозности.
В монастырях ее и вотчинах
Колокола отбили к поздности.

ЧУЧЕЛО ОРЛА

В музее чучело орла
Я видел в самом центре зала.
А дома водку из горла
Пил, чтобы совесть не терзала.

Потом он снился мне всю ночь,
Пока я спал на теплом ложе.
Хотелось мне орлу помочь,
Чтоб он живым остался все же.

Я понимал, что это бред,
Как если б снег пошел в июне,
Что самому себе во вред
Я распускать пытаюсь нюни.

Но подтверждала и слеза,
Что не могу забыть его я,
Что птицы мертвые глаза
Меня задели за живое...

Отягощенный суетой,
Без веры истине и гуру,
Я в этой жизни - не святой,
И в той святым уже не буду.

Что гниль, что вонь. Мне все равно.
Но, черным светом озаримый,
За мной, я чувствую давно,
Уже охотится незримый.

Когда с ума схожу от дум,
По той, кого я ненавижу,
Я слышу крыльев грозный шум,
Но, оглянувшись, их не вижу.

И страх меня еще не жжет,
Что мне добычей стать придется...
Но кто охотится, тот ждет.
А тот, кто ждет, всегда дождется.

И поделом... Я задолжал.
И сам себе уже не нужен.
Я многих в жизни обижал
И, как трофей, вполне заслужен.

Но там, в Космической глуши,
Где нет и мухи, чтоб обидеть,
Не дай мне Бог своей души
В музее чучело увидеть.

ПОПЫТКА ПРИЧАСТИЯ

Давно прочесть я Библию пытаюсь.
Наверно, я хочу мудрее стать.
Но всякий раз на что-то натыкаюсь,
То некогда, то лень, то тянет спать.

И встать под свод библейский, даже скромно,
Мне не дано, и душу не спасти.
Поскольку я питаюсь так скоромно,
Что мне посты никак не соблюсти.

Я не умею даже помолиться.
И я не знаю, в чем мои грехи.
Но я могу слезой опохмелиться.
И написать хорошие стихи.

И предаваться буйному веселью
Могу взамен того, чтоб крест нести...
Недаром Бог так долго Моисею
Рассказывал, как нам себя вести.

И думаю я, встав перед рассветом,
Прозреньем озабоченный одним,
Что я живу совсем не по заветам,
А значит и умру я не по ним.

А ты со мной, любимая, у края
Постели нашей рядышком лежишь.
И потому, что изгнана из Рая,
Ты не ему, а мне принадлежишь.

Как будто в жгут закрученной пшеницей,
Твоей косою я шею захлестнул.
Ты хочешь быть хорошей ученицей
И тормошишь меня, чтоб не уснул.

Любимая! Не вправе я чему-то
Учить тебя, и слышать Божий глас.
Ведь только лишь удобная минута,
Как страсть опять захватывает нас.

И знаю я, что в ней душа сгорает.
Тем более, чем более любя.
Любимая! За это Бог карает.
Но Бога ради... Только не тебя!

УТРЕННЯЯ УЛИЦА

Стараясь сильно не сутулиться,
Превозмогая пыль и гарь,
Уходит утренняя улица
От моего окошка в даль.

Попутно в стеклах отражается,
И - от стены и до стены -
Неукоснительно сужается,
Как наконечник у стрелы.

В крутых изгибах больно корчится.
И вновь становится прямой,
Как будто выстрелить ей хочется
Собой в какой-то мир иной.

Она здесь меркнет и теряется.
И от тоски теряет вид.
Поскольку в свалку упирается,
Где хлам спрессованный дымит...

А я стою в окне распахантом
И вижу, как, разверзнув хлам,
На месте трактором распаханном,
Фундамент делают под храм.

Ведут буссолем измерения.
И тут уж верится глазам,
Что скоро будут изменения,
Коль в дело Бог вмешался сам.

Снесут все то, что кособочится
И вспрянет улица моя.
И ей особо не захочется
Стрелять от скуки в воробья.

Так и торчу в прогале комнатном,
Как крест над улицей вися...
Как мало надо в мире чокнутом,
Чтоб быть довольным всем и вся!

Я позабыл про встречи важные.
Мне хорошо. И мне не жаль
Стоять, забыв дела бумажные,
И видеть улицу и даль...

ОБЛАКА

Не кучевые вовсе тучи,
А кочевые облака,
Летя похожими на кручи,
Валяют в небе дурака.

И с ветром взбалмошным на пару,
Забаву в этом находя,
Людей, гуляющих по парку
Пугают призраком дождя.

Они прохожих раздражают
И даже некоторых злят
Тем, что грозу изображают
И суетиться им велят.

И в небо сумрачное глядя,
Смущенной женщиной влеком,
Какой-то слишком нервный дядя
Грозит им сочным кулаком.

А я по городу гуляю
Среди бетонных плоскостей
И никаких не накаляю
По отношению к ним страстей.

Они не так меня пугают,
Не так мой взгляд толкают ввысь,
Как интенсивно помогают
Понять весьма банальный смысл,

Который скрыт всего лишь сенью
Весьма прозрачной для людей,
В игре живого света с тенью,
Среди домов и площадей.

И снова светел переулок,
И снова сумрачен проспект...
Вот так и жизнь: просвет и сумрак,
Просвет и сумрак, и - просвет.

ТЕМНАЯ ЛОШАДЬ

Услышу я рокот людской
И окрик разгульный: "Эй, дядя!"
И, сердце наполнив тоской,
Уйду, на придурка не глядя.

Уйду я, как кану ко дну,
Под ропот, под отклик, под площадь.
И выберу в стойле одну,
Но самую темную лошадь.

В душе я еще берегу
Надежду и светлую негу.
Поэтому лошадь впрягу
В простую, как правда, телегу.

И тронет она не спеша,
Забыв на брусчатке ребристой,
Что русская склонна душа
К езде исключительно быстрой.

Не будет стеречься хлыста,
А будет беречь свои жилы.
И спутанным мраком хвоста
Помахивать в спутанной жизни...

Труси, моя лошадь, труси
Холодной осенней порошей.
Кто жил хорошо на Руси,
Тот пил не от жизни хорошей.

Что значит: “Россия не та”?
Все та же, и все, как и прежде:
Все смута и все суета,
Не чаще, не лучше, не реже.

И также лежат под кустом
С обрезом, ощерясь довольно...
Но, если огрею хлыстом,
То будет не лошади больно.

Пусть лошадь ушами прядет,
И путь наш обычный забудет.
Быть может, тогда и придем
Туда, где все ясно мне будет.

Свидетель безликих идей,
Не ставший пока диссидентом,
Я верю чутью лошадей
Сильнее, чем всем президентам.

Я еду в такие края,
Которыми разум мой бредит,
Но темная лошадь моя
Родной стороны не объедет.

За вожжи я крепко возьмусь,
И буду упрашивать Бога
О том, чтоб на русскую Русь
Была покороче дорога.

Закутаюсь плотно в тулуп,
И буду отсчитывать версты,
И буду смотреть, как на круп
Холодные падают звезды.

Мне Черный Ворон чудится.
И, как ни сыт я долюшкой,
Когда-то он очутится
И над моей головушкой.

Грехов немало числится.
Слеза недаром катится.
Пора бы и очиститься.
Пора бы и покаяться.

Такое в жизни деется,
Что впору и отчаяться.
Пора бы не надеяться.
Пора бы не печалиться.

Давно уже нездешнему
Иные Богу молятся.
Пора и мне сердешному,
Кому-нибудь обмолвиться.

И бросив с упоением
И старое, и новое,
С хреновым настроением
Сбежать в село Хреновое*.

И, подавившись гонором,
Забыв свои амбиции,
Трепаться с Черным Вороном
В воронежской провинции.

* - Село Хреновое, Воронежская область.

* * *

Так много жизни за плечами...
Но в том печаль, что все не то.
Хотя, иные без печали
Живут на свете “от” и “до”.
А я пассивный и усталый
Живу, как встарь, от “до” до “от”
Не новый русский и не старый,
А просто - русский идиот...

Боже, как часто мы плачем!
Но на виду, ото всех
Слезы так тщательно прячем,
Что выдаем их за смех.

Вечно у нас опасенье,
Что не поймут... Не судьба.
И потому во спасенье
Ложью спасаем себя.

Плачем... Но часто не слезы
Плач наш, а скорбный наш путь,
Или увядшие розы.
Или еще что-нибудь.

В самой веселой личине
Плач наш укрыт от всего.
Может, по этой причине
Рядом не слышим его?

Сколько его под румянцем
Или под спудом седин...
Плачет Плисецкая танцем.
Музыкой плачет Щедрин.

Каюсь в российских полесьях,
В старых и новых грехах,
Плачет Буланова в песнях,
Плачет Белинский в стихах.

Не ветер северный гудит,
Не страх наводит супостат,
С Непрядвы Ворон к нам летит,
В полнеба крылья распластав.

В наш век, не помнящий родства,
Летит свидетель дней иных.
И по лесам шумит листва,
От взмахов крыльев ветровых.

Бросая тень на наши лбы,
Он пролетает города.
И накрываются столбы.
И замыкают провода.

И на земле, во всех краях,
Где птица всякая поет,
Перепелами на полях
Непрядва голос подает.

И глядя в небо в ранний час,
Ворчит мужик, забыв дела:
"Непрядвы не было у нас,
Неправда лишь одна была..."

И больше в небо не глядит,
А лясы точит на крыльце,
И лишь вопрос: "Зачем летит?"
Написан на его лице...

А ворон, взгляд бросая вниз,
Обремененный стариной,
Без суеты и всяких виз,
Летит над утренней страной.

Летит сквозь время напролом,
Сам не вопрос и не ответ,
И держит повесть под крылом
Еще не названных им лет...

ДРОВА

Не ленилось чтобы тело,
Не скучала чтобы плоть,
Есть спасительное дело,
Во дворе дрова колоть.

Если ты с утра невесел,
И до срока устаешь,
Это значит с мягких кресел
Слишком долго не встаешь.

Значит слабые нервишки
Укрепить пришла пора.
На снегу лежат дровишки,
Так и просят топора.

В этой жизни поднебесной
Испытать верней всего,
Сердцевиной их древесной
Крепость сердца своего.

И не надо злиться, если
Ненадежен ваш упор,
И размах, ведь против шерсти
Может гладить и топор.

И напрасно охать ленно
И виновного искать.
Ведь однажды и полено
Тоже надо приласкать.

А иначе, как ты юрко
Топорищем не маши,
Безответной будет чурка,
Не поймешь ее души.

И не зря твердят в народе
Поговоркою простой,
Что затейливой колоде
И топор нужен витой.

Эх, дровишки! Любо глазу!
Как я запах их люблю!
Дуб рублю по центру сразу,
По краям сосну рублю.

Годовые кольца ели
Разрубаю пополам,
Чтоб они теплом в метели
Растекались по полам.

Вот душе моей награда,
А не тень на мой плетень.
И подруга в доме рада
Друга ждать хоть целый день.

Смотрит сонно из оконца.
Как такую разлюбить?
Годовые наши кольца
Я не в силах разрубить.

О СЕРДЦЕ

Просто жизнь дается
Или - еле-еле.
Слышим мы, как бьется
Сердце в нашем теле.

Бьется прямо в своды
Бренной нашей доли -
Громко от свободы,
Тихо от неволи.

От хорошей вести,
И от грустной, или
Бьется просто, если
Мы о нем забыли.

Хрупкое, как чаша,
Без осколков бьется,
Даже если наша
Песня не поется.

Неустанно бьется,
Если мель под днищем,
Даже если вьется
Дым над пепелищем.

Если вена рвется
От натуги страстной,
Даже если льется
В землю струйкой красной.

Реквием поется,
Застывая в слепке,
А ему нейметя,
Бьется даже в склепе.

Естся или пьется,
Спится иль не спится,
А оно все бьется,
Заставляя биться.

Как шальное бьется
Всем на удивленье...
Вот как достается
Нам сердцебиенье!

ЛУННЫЙ СВЕТ

Вошел я в комнату свою,
Предвосхищая встречу страстно,
И очутился на краю
Почти чужого мне пространства.

Полгода не было меня.
И вот никто меня не встретил.
Никто уже на склоне дня
На ласку лаской не ответил.

Вздохнул я, рухнув на кровать,
Но обошелся без стенаний,
И понял: буду куковать
Один в гнезде воспоминаний.

И обратил свой взгляд к столу,
Где рядом, крыса не доела, -
Клочок бумаги на полу
С прощальным словом: "Надоело..

Увидел лунный свет в окне,
Над тишиной предновогодней,
И что-то скучно стало мне,
И душно, словно в преисподней.

Я встал и форточку открыл.
И шумно комната вздохнула,
Как будто пара птичьих крыл
Легко и радостно взмахнула.

И как-то ясно стало вдруг
И утешительно от мысли,
Что наполнялось все вокруг
Дыханьем воздуха и жизни.

Оно по шторам вниз текло.
И по коврам уже струилось.
И грустно мертвое тепло
Его движенья сторонилось...

КАК ЖИВЕТСЯ?

Приходят друзья, если время найдется,
И то лишь затем, чтоб спросить: “Как живется?”

Иначе им в жизни не естся, не пьется,
И, как полагаю, не все удается.

И так вот банально, как все и ведется,
Вопрос, как тягучая жвачка, жуется.

И только одно всякий раз остается -
Банально ответить: “Прекрасно живется!”

Но снова и снова кому-то нейдет
Со мной повстречавшись, спросить: “Как живется?”

Надеюсь, что кто-то хоть раз ошибется
И спросит невинно: “Ну как вам умрется?”

Я тут же отвечу: “Прекрасно умрется!”
Как только уймется: “Ну как вам живется?”

Но знаю, когда умереть мне придется,
Придут на могилу спросить: “Как живется?”

ДОМ

Старый дом стоял на взгорье,
И имелись у него:
Чья-то радость, чье-то горе,
И один этаж всего.

Не был замкнут он, как кокон.
Не был строг, как интернат.
Слышал пенье я из окон,
И одноэтажный мат.

Всхлипы слышал я и крики,
Стук капли о карниз.
Или просто плыли блики
По стеклу то вверх, то вниз.

Здесь от скуки изнывали
У окошек старики.
“Пароходиком” назвали
Этот домик остряки.

Но однажды все проходит...
И когда я вновь пришел,
Как матрос на “пароходик”,
Этот дом я не нашел.

Дом снесли... Все очень просто.
Время шло. И, где скучал
Домик маленького роста,
Громкий молот застучал.

Первый камень лег на место.
Первый кабель. И потом
Здесь возник, бывшего вместо,
Девяти этажный дом...

А теперь скажи на милость
Или ясно мне ответь,
Что такого изменилось
В новом доме, хоть на треть?

Он стоит на том же взгорье.
И любой увидит глаз:
Ту же радость. То же горе.
Только “выше” в девять раз...

УТРЕННИЙ АВТОБУС

Вхожу я в утренний автобус,
И, не пугаясь пустоты,
Беру билет, как главный пропуск
Через контрольные посты.
Сажусь на место у окошка,
Не ставя местности в укор,
Когда асфальтная дорожка
Вдруг превращается в бугор.
И выхожу на остановке,
В пучину уличных забот,
Где светофоров установки
Ведут машинооборот.

Опять все то же повторится...
Опять я буду вдаль идти,
Но в то же время - торопиться
Уже к обратному пути.
И, как тогда, аналогично,
Поправлю выбившийся шарф.
И буду делать нелогично,
А проще - замедлять свой шаг.,.

Капелью капает с карнизов.
И сердцу кажется легко,
Что уж теперь-то будет близко
Все то, что было далеко.
Я отыщу твой дом заветный
С твоим окошком безответным
И грустно сяду под грибком,

Где, радуясь всему на свете,
Уже вовсю играют дети
Еще мороженым песком.
И задымлю из пачки полной,
И буду ждать чего-то долго,
Но не случится ничего...

И, никому не докучая,
Понаблюдаю заодно,
Как мужики свои печали
Перебивают домино.
И вновь, затягиваясь горько,
Пойму, идя в обратный путь,
Что расстоянье сжалось только,
Но не уменьшилось ничуть.

“ВЕСНА НА ЗАРЕЧНОЙ УЛИЦЕ”

*Признание в любви киноактрисе
Нине Ивановой*

И вновь весна приходит в старом фильме,
И гонит по ручьям бумажный флот.
Ах, Вы все та!.. Но то простите Вы мне,
Что я для Вас и был и есть не тот.

А тот уже по улице шагает
И к вам спешит, дыханье затая,
И вот собрать тетради помогает...
Он любит Вас... Любимая моя!

И я люблю Ваш ум, и постоянство,
И ясный лоб, как перст в моей судьбе,
Который, как огромное пространство,
Волнующе зовет меня к себе.

Во мне еще невысказанность светит...
Но жизнь свою транжиря в кураже,

Я знаю, что не та меня в ней встретит,
А может быть и встретила уже...

Жаль я не тот, кто молча углубился
Зрачком в конспект... В том нет моей вины.
Но был бы тот - я вновь бы в Вас влюбился,
Как Вы в того, по фильму, влюблены.

Меня гнетет духовная усталость,
Тем, что она нас учит дорожить
Совсем не той, о ком всю жизнь мечталось,
Совсем не тем, с кем так мечталось жить.

Увы, мой друг, не к Вашим я услугам,
Но я к услугам той, с которой жил.
И если жизнь нам платит по заслугам,
То жизнью всей я Вас не заслужил...

Но Боже мой!.. Дай мне с экрана руку!
Хотя бы руку дай мне... Боже мой!
И я сумею вынести разлуку,
До моего ухода в мир иной.

Дай руку мне всего на миг единый...
Но нет руки и есть.....
И фильм идет, в котором Ваш любимый,
А рядом Вы... Любимая моя!..

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Который день ругаемся с тобой.
Который раз, себе и курам насмех,
Ведем мы наш жестокий ближний бой,
Не на живот ведем его, а насмерть.

Тяжелой артиллерией из фраз
Ведем огонь, и беглый, и прицельный,
И на уничтоженье. Всякий раз
Боеприпас расходуя недельный.

Без страха в наступленье мы идем
И в этом нашей тактики заслуга,
И лишь капитуляции мы ждем
Не временной, а полной друг от друга.

Никто из нас не мыслит сдаться в плен,
Пусть даже и измотанным осадой,
И, зная аксиому перемен,
Надеемся престиж вернуть засадой.

Мои войска не хуже, чем твои.
Упорством наделенные отменным,
Мы оба полководцы. И бои
Идут у нас с успехом переменным.

Но надо есть, готовить, мыть полы
И строить наши жизненные планы...
И вот тогда в глубокие тылы
Отходим мы, зализывая раны.

Тогда не поливаем мы огнем
Позиции врага, а моем или
Готовим что-нибудь. Но это днем,
А ночью наступает перемирие.

Снимаемся с позиций мы своих
И вовсе не войне уже внимаем.
И не снимаем сонных часовых,
А все, что есть на нас, с себя снимаем.

Тогда уже не бой идет у нас,
А мир сплошной, до головокруженья...
Короче говоря, как в первый раз,
Друг к другу попадаем в окруженье.

И нет дурацких мыслей о войне.
И, мне на грудь устроившись неплохо,
Твое лицо, как мина на волне,
Качается от выдоха и вдоха...

Утро.
День.
Вечер.
Ночь.

Утром думаю о тебе.
Днем думаю о тебе.
Вечером думаю о тебе.
Ночью думаю о тебе.

Вот так и живу:

Утро.
День.
Вечер.
Ночь.

На самом первейшем
Из самых первейших трамваев
При самом первейшем из бликов
Венчающих дня наступленье
На первом сиденье
И первым из всех пассажиров
Я первый билет оторву от кассеты
И первые три золотистых монетки
Ударятся звоном веселым
Об дно автомата...

Да так вот.

На самом первейшем
При самом первейшем
На первом сиденье
И самым первейшим
И с первым билетом
И звоном монетным
Веселый и ранний
К тебе я приеду...

На самом последнем
Из самых последних трамваев
При самом последнем
Из всех угасающих бликов
В последнее самое вжавшись сиденье
И самым последним из всех пассажиров
С последним билетом
Последние бросив монетки
Которые грустно лишь стукнут собой об другие...

Да так вот.

На самом последнем
При самом последнем
В последнее самое вжавшись сиденье
И самым последним
С последним билетом
При звяканье грустном
Последних монеток
К другой я уеду.

Да так вот.

Холодно вдаль мне идти
По тротуару пустому,
Но, вспоминая тебя,
Я вспоминаю тепло.

Руки твои, словно мех
Двух чернобурок на шее
Я вспоминаю и... пот
Капает в шарф с кадыка.

Я вспоминаю лицо,
Словно горячее солнце,
Если плывет надо мной
Чашей холодной луна.

Я вспоминаю твой рот,
И приоткрытые губы,
И наслаждаюсь опять
Теплым дыханьем твоим.

Длинные ноги твои
С трепетом я вспоминаю,
И убыстряю свой шаг,
И от него мне теплей.

Морщится таящий снег,
Под башмаками моими.
И становлюсь я похож
На генератор тепла.

К двери твоей подхожу.
Кнопку звонка нажимаю.
И начинает она
Плавиться, словно свеча.

И удивляешься ты,
Что горячи мои пальцы,
Зная заведомо то,
Что без перчаток я шел.

БАЛЛАДА О МУЖЧИНЕ И ЖЕНЩИНЕ

Они повстречались однажды друг с другом,
Не зная страданий своих наперед,
Как если бы Север вдруг встретился с Югом,
Как если бы с пламенем встретился лед.

И все же бывало достаточно часто,
Чтоб жизнь по ошибке кого-то свела.
Мужчина хотел лишь иллюзии счастья,
А женщина слишком наивной была.

Она, как девчонка, о счастье мечтала.
И так трепетала, мужчину любя,
Что даже себя виноватой считала
За то, что он выбрал ее для себя.

И даже ночами тихонько просила
В каком-то, ему непонятном хмелю:
“Любимый, прости, что я некрасива,
Прости мне, любимый, что я так люблю.”

Как будто просила прощенья за ласку,
За возраст, за ясность в неясной судьбе,
За то, что поверила в добрую сказку,
Где Золушка Принца находит себе.

Мужчина вначале сочувствовал вроде,
Но позже открыто смеялся над ней,
Ведь, как соответствует нашей природе,
Чем любят сильнее нас, тем мы холодней...

И вот он однажды сказал: "Ты постыла,
Меня от "прости" своего отпусти!.."
Она даже смысл этих слов не постигла,
Сказала: "За то, что постыла - прости..."

Он в ярости грохнул какую-то вазу.
Но слова на слово в ответ не нашел.
И вышел, чтоб мирно расстаться, и сразу
Вослед прозвучало: "Прости, что ушел..."

Но он, не ответив ей даже на это,
Не каюсь и веря в счастливый исход,
Окинул глазами все стороны света
И, плечи расправив, пошел на Восход.

И долго ходил без любви и влечения.
И вот, через годы, уставшим уже
Присел и подумал: “Куда и зачем я?”
И что-то тоской шевельнулось в душе.

Вскочил он, как будто шальной спозаранку,
Как будто подброшенный чем-то не впрок.
Казалось, он весь этот мир наизнанку
И даже Вселенную вывернуть мог.

Но вывернул душу свою для начала,
Чтоб только узнать в ней начало тоски.
И в ней, как в сосуде пустом, прозвучало
Печально и глухо: “Любимый, прости...”

И, глянув спокойно на грешную землю,
Он понял, что ходит по ней невпопад.
И вымолвил тихо: “Любимая, внемлю...”
И, плечи понутив, пошел на Закат.

Пошел он, свое житие проклиная,
И все же надеясь любовь обрести,
И острые камни ногами пиная,
И слышали версты: “Родная, прости!”

И там отмечался он низким поклоном,
Где добрый привет и приют он имел,
А следом гроза бушевала по склонам,
И гром сумасшедший гремел и гремел.

Но, словно не слыша небесного грома,
Он шел неустанно, и ночью, и днем...
Пришел, но ее уже не было дома,
А те, кто там жили, не знали о нем.

И снова он вышел один на дорогу,
Уже не легко, а надсадно дыша.
И тихо поплелся к земному отрогу,
В котором любимой томилась душа.

Он шел и его, как хмельного, шатала
Дорога, которая в Млечность вела,
Где чья-то звезда, угасая, шептала:
“Любимый, прости мне, что я умерла...”

ВОПРОС

Он вошел, серебряный от пыли,
Горечь узнаванья затая,
Вздрыгнула хозяйка: “Это ты ли?”
Путник усмехнулся: “Это я.”

Руки она грустно опустила,
Словно постучалась в дверь беда.
“Тот же все?” - опять она спросила,
Путник ей ответил: “Тот же, да.”

И добавил: “Я не заночую,
Так что обойдись без суеты.
Я пришел с добром. Спросить хочу я.
Счастлива ли в доме этом ты?”

Тут накрыла тень полоску света,
И ворвался в слух собачий визг,
И вопрос остался без ответа,
И незримым в воздухе повис...

Вот такая встреча получилась.
Но понятно, кто кого простил.
И понятно смутно, что случилось.
Слишком мало путник погостил.

Вышел путник встречу тому, кто мимо
В дом вошел, как сломанная тень,
И пошел вперед неутомимо,
По дороге пнув ногой плетень.

У него своя была дорога.
То, что не решалось долгий век.
И не знать бы нам, что совершилось,
И не ведать, что за человек.

Но встает в ночи хозяин дома,
Грузно половицами скрипит,
И, зачем не зная, ходит долго
И сопит угрюмо, и не спит.

И вокруг себя руками шарит,
Словно хочет что-то сокрушить...
И понять не может, что мешает,
Что мешает спать ему и жить?

ПИРАМИДА

Я из слов громоздил для тебя пирамиду.
Я себя от друзей и врагов отнимал.
И тоску по тебе, и глухую обиду
Помещал в монолит и... наверх поднимал.

Я свой труд завершил, и стоит пирамида.
Истощилась душа и совсем не болит.
Но осталась тоска и глухая обида,
Оказалось, что все не вместить в монолит.

Ты, как птица, теперь совершаешь паренье.
Как там мир? Расскажи! Ведь оттуда видней.
Пирамида стоит, как чужое творенье.
И уже, как творец, я не властен над ней.
Трудно будет другой с ней величием равняться.
Я возвысил тебя, но одно упустил,
Что устал. И теперь не сумею подняться
К той вершине, куда я тебя поместил.

СИРЕНЕВЫЙ ПРОГАЛ

Я мял листы исписанной бумаги
И их под стол рассеянно бросал,
И как глупец исполненный отваги,
Опять стихи ничтожные писал,

И мял опять, и был уже как робот,
И сам себя за этот бред ругал,
Когда небес услышав грозный рокот,
Узрел в окне сиреневый прогал.

Он нес в себе великую беспечность
И в тот же миг - космическую мысль,
Когда меж туч зиял, как выход в вечность,
И звал с собой в сиреневую высь*

Потом гроза в полнеба изрыгала
На все и вся разгневанную злость,
Но в небесах чудесного прогала
Ей заслонить собой не удалось.

И я не испытал переживанье,
Когда разряд свой выгнув, словно бровь,
Ушла гроза, забрав с собой желанье
Писать стихи и рвать их вновь и вновь.

Я больше над листом не унижался,
Моля о снисхождении его,
А подошел к окну и лбом прижался
К стеклу, не ожидая ничего.

И думал я сквозь спектр стеклянной призмы,
Через года и бред последних дней:
Зачем я здесь? Кому я нужен в жизни,
Когда и мне никто не нужен в ней?

Зиял прогал сиреневый, как место
Моей души в высоком далеке,
И мне казалось, что бумаги вместо
Смятенно мям я облако в руке...

МОЛИТВА

Молитвы неистойой вместо,
Верней, как молитву уже
Шепчу я: “Храни мое место
В своей ослабевшей душе.”

Храни мое место в постели,
За ночь без меня не вина,
Пусть даже глаза опустели,
Полжизни не видя меня.

Как тонкую пряжу в лукошке
От скуки пригодную лишь,
Храни мое место в окошке,
Когда на дорогу глядишь.

Тоскливую фразу: “Одна я!”
Роняя как камень с души.
Храни мое место, родная,
И кем-то занять не спеши.

Дожди ли застигли. Трава ли
Внезапно застыла во льду...
Храни мое место в трамвае
И верь, что в него я войду.

В веселое самое время,
В печальные самые дни,
Как злое и доброе бремя
Храни мое место. Храни.

Храни его в этой эпохе,
Где так одиноко вдвоем.
И в медленном медленном вдохе,
И в выдохе быстром своем...

И я, если вместе не канем
На сонное дно суеты,
Хранить буду место под камнем
Тяжелой могильной плиты.

ЛЮБЛЮ!

Новой истины я не открыл.
Новой ереси не изрек.
Ничего из земли не отрыл.
Ничего из небес не извлек.

И дорогу не ту проторил.
Не постиг, что мне было дано.
И банально слова повторил
Те, что в мире звучали давно.

Появился я видимо зря
В этот мир без опоры земной.
И на небе высоком заря
Появляется зря надо мной.

Я не знаю каким надо быть,
Но не буду вовек нелюдим,
Потому что живу, чтоб любить,
И еще, чтобы знать, что любим.

Чтобы страсть разливалась в крови
От любимого лика в окне.
И еще, чтобы верить любви,
И любовь чтобы верила мне.

Лишь поэтому день ото дня
Я себя в этом мире терплю...
“Что ты делаешь?” - спросят меня.
Я вот так и отвечу: “Люблю!”

*... Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие...
Г.Р. Державин*

Это ты мою лодку направила к скалам,
Из которых давно маяки не глядят.
И следила, с почти сладострастным оскалом,
Как корявые щепки от лодки летят.

И когда мое тело в пучину нырнуло,
И когда появилось, чтоб вновь не пропасть,
Это ты - так спасательный круг мне швырнула,
Чтобы в голову можно им было попасть.

Это ты, как сирена, напела мне в душу
Ядовитые речи, чтоб ныло в душе,
Когда я из пучины взобрался на сушу
И лежал, для волны неподвластный уже.

Зная то, что тоска иссушила мне глотку,
И еще, что и мне неизвестно во мне,
Это ты подарила мне новую лодку
И опять отпустила гулять по волне.

И опять мою лодку направила к скалам,
Чтобы было опять чем потешиться им,
Чтобы снова, с почти сладострастным оскалом,
Наблюдать со скалы за спасеньем моим...

ЖЕНЩИНЕ

Во мне ни жалости, ни злобы.
Во мне ни дыма, ни огня...
Полжизни надо было, чтобы
Понять, что ты не для меня.

Во мне безумная усталость.
Во мне желанье дверь забить..
Еще полжизни мне осталось,
Чтобы суметь тебя забыть...

В ТУПИКЕ

Нас больше не обманут
Огни, что вдалеке,
И в небыли не канут.
Вагон наш в тупике.

Зачем-то мы молились,
Тащились через мрак.
А все, к чему стремились
Тупик... Так как же так?

Недвижимы колеса
На всех осях своих.
Тяжелые колосья
Остановили их.

Пожухлые травинки
Нацелены в мазут.
И мошки, как кровинки,
По ним наверх ползут.

Меж чем и чем граница?
Не видно из окон.
Подальше проводница
Ушла, открыв вагон.

И смотришь ты на поле
С беспомощной тоской.
Обеспокоил, что ли,
Негаданный покой?

Привыкла, что спешили,
Хотя и не сюда.
Теперь вот насмешили
И прочих, и себя.

Здесь, словно в Аризоне,
Пространство и покой.
И нет на горизонте
Надежды никакой.

И лишь под ясной сенью
Веселого луча
Течет наш путь под землю,
Как два стальных ручья.

Давай, родная, выйдем.
Скорей мне руку дай,
Когда еще увидим
Так близко нашу даль?

ЧАСЫ

Я у часов стою и жду.
Курю табак и спички жгу.

Я ждал вчера и жду сейчас.
Часы показывают Час...

Я не один. Тут рядом ждет
Другой. И тоже спички жжет.

Как на отбившихся от масс,
Рекламы щурятся на нас,

И смотрит милиционер,
Как на весьма дурной пример.

И вот другой ушел как тень...
Часы показывают День.

А я ко времени прилип,
И милиционер привык.

Хочу себя я превозмочь...
Часы показывают Ночь.

Идут снега. Идут дожди.
Я жду. Ведь ты сказала: “Жди...”

Я не ушел от непогод...
Часы показывают Год.

Идут года передо мной...
Когда же будет выходной?

Я очень странный человек...
Часы показывают Век.

И мне не впрок уже еда.
Я на ногах стою едва.

Но все шепчу себе: “Держись!”
Часы показывают Жизнь...

ПРОШЕДШЕЕ ЧУВСТВО

Подошло из глубин посторонних,
Хоть никто ни о чем не просил,
Словно следствие потусторонних,
Неподвластных для разума сил.

И когда его дух помутился,
И возникло вдруг чувство в душе,
То не понял он, как очутился
На вокзале с билетом уже.

И в купе, сжав стакан благовейно,
Стародавней тоске поклонясь,
Он один над бутылкой портвейна
Кем-то бредил, к окну прислонясь.

И с какой-то бравадой отважной,
Вспоминая любовь давних дней,
Пустоты не стесняясь багажной,
Представлял, как приедет он к ней.

Ночью двери открыл он навстречу
Тусклым звездам. И плюнул во тьму.
И вздохнули колеса: “Не встречу.
Не прощу. Не приму. Не пойму.”

И... тяжелая скука напала
От себя и еще оттого,
Что осталась от пачки “Опала”
Лишь одна сигарета всего.

Оттого, что пустую бутылку
Он оставил в купейном тепле...
Постучал он рукой по затылку
И бычок погасил на стекле.

А с утра не схватился за бритву
И тоску подавил без труда,
Понимая, что выиграл битву
Меж собой и путем в никуда.

И на станции маленькой вышел,
Понимая, что вновь не войдет,
Воротник свой надернул повыше
И под нос проворчал: “Идиот!”

Взял обратный билет на транзитный,
И сидел целый день, как дурак,
Уперев, как кирпич абразивный,
Подбородок небритый в кулак.

И приехал домой. И у дома,
Оказавшись по сути ни с чем,
Повторял убежденно и долго:
“Если *чувство* прошло... То зачем?”

ПОНЕДЕЛЬНИК

Не брани, подруга верная,
Что впустую лето пройдено.
Эта осень слишком скверная,
Чтоб писать шедевры в Болдино.

Лучше глянь, как листья сонные
В эти грустные мгновения,
Словно строчки невесомые,
Опадают вдоль забвения.

Мы немало сделать чаяли,
Но и мы уже не прежние.
И безвольно вдоль отчаянья
Опадают руки нежные.

Сознаем мы все пронзительней,
Что сжимая расстояние,
Чем свиданье продолжительней,
Тем желанней расставание.

По тропинке, лужи вспучившей,
Ты уйдешь в вуали лиственной
Не сердитой, не наскучившей,
А веселой и единственной.

Мне судьбою не завещаны
Ссылка и дорога санная,
Но, бесспорно, жизнь без женщины
Это ссылка та же самая.

Мы прощальной мыслью светимся,
Глядя в морось эту нудную,
Что вовек уже не встретимся,
Помня мудрость обоюдную.

* * *

Мы с шампанским пообедаем
И, насытившись, расстанемся.
Что мы деем, мы не ведаем,
Но содеяв, не раскаемся.

Дождь по улицам качается
Неприкаянным бездельником...
Все хорошее кончается
По осенним понедельникам.

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Вхожу в сосновую аллею.
Уже начало ноября.
Я не тоскую, не болею
И не имею ни рубля.

Но есть надежда, что едва ли
Я бессеребренником стал.
Не верю нищенской морали.
Вернее, верить перестал.

И не завидую ревниво,
Несущим праздность на виду,
А, философствуя лениво,
Легко по золоту иду.

Пинаю солнечные пятна,
Как слитки, брошенные в тень.
И все становится понятно
И ясно мне, на этот день.

И день грядущий не тревожит
И не пугает. Все равно,
Ему уже не преумножить
Потерь, случившихся давно.

И мысль о сущном, как природа,
До сути в ней обнажена.
Не зря, в такое время года,
И дети ближе, и жена.

Не тяжелы мои пожитки,
И трепет ветки на ветру
Напоминает трепет жилки,
На шее милой поутру.

Миную светлые поляны.
И не намеренно, а вдруг
Невольно вслушиваюсь в планы
Людей, гуляющих вокруг.

И веет через однозначность
Простых речей о том, о сем
Такая вещая прозрачность,
Что виден перст Судьбы во всем.

И в том, что я иду меж сосен
Туда, где ждут меня... Домой.
Какая синь... Какая просинь...
Какая осень... Боже мой!

ГЕРАНЬ В ОКНЕ

С любовью кто-то расстается,
Шумит вокзал,
Она бежит,
Он остается,
Он все сказал.

И вот она уже в вагоне.
Пора забыть.
И даже речи о погоне
Не может быть.

Ее лицо уже за гранью,
Как не лови,
Его окна
С его геранью,
Его любви.

Колючий снег не охлаждает
Его лица,
И от любви
Не ограждает,
И от конца.

Она не смотрит из вагона.
И мрак синей.
И от плохого
Самогона
Тоска сильнее...

И пусть от прошлого не хочет
Он ничего,
Но день и ночь
Состав грохочет
Через него.

Дрожат настенные обои,
И словно след
Впечатал в них
Истоком боли
Вагонный свет.

И все, что в доме обитает,
Летит за грань.
И потрясенно
Облетает
В окне герань.

ПУТЕВОЙ ОБХОДЧИК

Этот дом у железной дороги
Доживает со скрипом свой век.
Но стоит. И на ветхом пороге
Одинокий стоит человек.

И, такой же скрипучий и древний,
Он туда отрешенно глядит,
Где качается дым над деревней
И в высокое небо летит.

Он глаза свои щурит устало,
Позабыв на крылечко присесть,
Понял он, что чего-то не стало,
Но дорога железная есть.

На нее он ступает с порога,
Но не хочет понять, почему
Дорога ему эта дорога,
Если некуда ехать ему.

Если некуда бедному деться
И совсем никого вдалеке,
Где его паровозик из детства
Одиноко стоит в тупике.

Он ответов не ждет на вопросы
И, в фуфайке, повисшей мешком,
С постоянным огнем папиросы
Так и ходит по шпалам пешком.

Так и носит огонь к светофору
И обратно к пустому крыльцу,
И о чем-то печалюсь фарфору,
Изолятор подносит к лицу.

Не душевнобольной, а душевный
Он с наивной тоской без вреда
Верит в поезд какой-то волшебный,
Где есть место ему и еда.

До него все еще не доходит
С твердолобой его стариной,
Что давно этот поезд обходит
Полустанок, забытый страной.

И мерцает железная ветка,
И, глуша неизвестный свисток
Треплет ветер на ней человека
Как еще не упавший листок.

НА ГОРЕ

(Из детства)

Снег сплошной во дворе.
Оседает карниз.
Мы с тобой на горе -
Люди катятся вниз.

Люди падают вдруг
Вбок, назад или вниз.
Много ног, много рук
И испуганных лиц.

Я ледышку грызу.
Эта куча-мала,
Эта свалка внизу
Мне совсем не мила.

Пух усов над губой.
Я ледышку грызу.
На горе мы с тобой,
Остальные внизу.

Как ледышка вкусна!
В этой зимней игре
Мне задача ясна -
Быть всегда на горе.

Я бы вечно не прочь
Быть и виситься тут,
Но спускается ночь
И домой все идут.

И склоняясь к плечу,
И роняя слезу,
Ты мне шепчешь: “Хочу
Быть со всеми внизу.”

Ты рыдаешь, моля,
Чтоб я вниз тебя свез,
Только гордость моя
Выше чувства и слез.

И съезжая одна,
Ты уходишь домой,
Как карниз холодна,
Ночь висит надо мной.

Воротник на меху
Примерзает к щеке.
Плачу я наверху
И ледышка в руке...

Завтра будет вдвойне
Заметенным карниз.
Снова скажешь ты мне:
“Ну-ка, скатимся вниз!”

Я кивну головой,
Шарфик твой тербя.
Лучше вниз да с тобой,
Чем наверх без тебя...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Все спят давно, а я стою
Без света у окна.
Над зимней ночью бровь свою
Приподняла луна.

И удивляется тому,
Что я стою во тьме.
А для чего? И почему?
То неизвестно мне.

Смотрю в сиреневую муть
И молча спички жгу.
Пора и мне давно уснуть,
Но я чего-то жду...

И вот, влетая в чьи-то сны
Сквозь лестничный провал,
Хребет холодной тишины
Тяжелый шум сломал.

Из дома вышел человек,
Чтоб сразу вдаль уйти,
Но вот стоит и топчет снег,
Как будто нет пути.

А я окурок свой грызу
И вижу часть лица
Того, кто там стоит внизу
И курит без конца.

И пронизает плоть мою,
Как холод, мысль одна,
Что это я внизу стою,
А кто-то у окна.

И этот кто-то смотрит в ночь
И видит снег и мрак...
А я уйти пытаюсь прочь,
Но... не могу никак.

ТЕНЬ ПОЛЕТА

Пролетала в небе птица,
Словно снег бела,
Задевая наши лица
Тенью от крыла.

Тень скользила по сугробам,
Падала на лед,
По которому за гробом
Хмурый шел народ.

На гробу, как будто жало,
Древко целя в лоб,
Знамя ветхое лежало
Красное, как гроб.

Люди шли и зло бранили
Холод так и сяк
И казалось, хоронили
Ветхий красный стяг.

Стужа лица теребила,
Замерзала Русь.
Только нам не грустно было
Видеть эту грусть.

Дома ждал обряд венчальный,
Было очень лень
Плакать, как народ печальный,
В этот ясный день.

В нас любовь превосходила
Суету его.
Больше не происходило
С нами ничего.

Переглядываясь нежно,
Ждали мы конца
И сгоняли безмятежно
Птичью тень с лица.

Чьи-то похороны были,
Просто люди шли,
По пути бутылки били
И бумагу жгли.

На погост несли кого-то
Под надрывный смех
Тень высокого полета
Втаптывая в снег.

ЗАСТЫВШИЙ ОГОНЬ

Зимой в горах, в пещере древней,
Откуда предок мой ушел,
Средь ледяных колючих гребней
Огонь застывший я нашел.

Он на снегу едва светился,
Уже не грея никого.
И только ветер суетился
И дул напрасно на него.

Не первый век без передышки,
Жестокий холод затая,
Тянул он красные ледышки
К тяжелым сводам бытия.

Давно отвергнутый Богами,
Он быть собою перестал
И лишь звенел, когда ногами
Я шевелил его кристалл.

Когда стоял над ним притихший
Не поднося замерзших рук,
Как будто что-то вдруг постигший
И упустивший что-то вдруг.

Представить я себе пытался,
Как, жалким жаром исходя,
Огонь в агонии метался,
Живой души не находя.

Как мерз он, брошенный в пещере,
И мрак в последний раз пугал,
Как бился в каменные щели
И все быстрее изнемогал...

И так прошли тысячелетья,
И вот над ним распался мрак,
Чтоб мог беднягу пожалеть я,
Но я совсем не ведал как.

Я был в смятении. И словно
Объято холодом одним,
Слетая с губ застыло слово
И зазвенело рядом с ним.

ЗИМНИЙ ПИЛОТ

Уже и звезды на часах...
А там, где Псы грызут ошейник
В непостижимых небесах,
Летает временный отшельник.

Он высоко. И нашим снам
Не знать его переживанья,
И на весах не взвесить нам
Его незримые желанья.

Его не видим мы с земли,
И нам звучит, как откровенье,
Что может в Лето из Зимы
Он пролететь в одно мгновенье.

Он - пламя тающей свечи
Через немислимую дальность,
И как иллюзия в ночи,
И в то же время как реальность,

И как нам тут не вспомнить вдруг,
С тоской поглядывая в выси,
Что он творенье наших рук,
Что он явленье нашей мысли.

Что знаем мы о том, куда
Летит он быстро и беззвучно...
Мы можем вспомнить хоть когда,
Но если вспомним будет скучно.

Себя верней нам умилять
Всем тем, что сами же являем.
Вот потому и приземлять
Мы это чудо не желаем.

Пока он ночью над зимой
Летит, как сон без отголоска,
Он выше нас, он неземной,
Он просто светлая полоска.

ОБЫВАТЕЛИ

В нашей маленькой квартире
Есть вода, и газ, и свет.
Мы в ее уютном мире
Провели немало лет.

Есть семья и есть достаток.
Знаем что и в чем нести.
И надеемся остаток
Дней в покое провести.

Но приходит день когда-то,
Что не в силах мы терпеть.
И сбежать хотим куда-то,
И куда-то улететь.

Он, как будто наважденье.
И всегда нам от него
Остается убежденье,
Что не будет ничего.

Пахнет мылом от пеленок.
На плите вода гудит.
На горшке сидит ребенок
И на нас с тобой глядит.

Мы весьма довольны этим.
Мы на пуфиках сидим.
Никуда мы не уедем.
Никуда не улетим.

ИЗ КРЫМСКИХ ЛЕГЕНД

Баллада о скифах, их женах и их рабах.

Войну царей вели когда-то скифы,
Уже устав от крови и побед.
И шли войска, и падали калифы,
Свой главный час оставив на побег.

Была в царях загадочная ревность,
Ко времени, крадущему их дни:
Они войной оспаривали древность
Тех, кем бессрочно правили они.

Мир трепетал. Невольники, как мухи,
Ползли по следу алчущих врагов.
Жрецы молили духов внять, но духи
Не слышали поверженных врагов.

Но где-то там, казалось бы за смыслом
Всех представлений древних о мирах,
Качался дым мятежным коромыслом.
И кто-то мнил повергнуть скифов в прах...

Везосиз - царь Египта - был уверен,
Что всех древней египетский народ.
И диктовал, как волю: “Я намерен...
Я так хочу... Войска мои, вперед!”

Что победит - он клялся небесами,
Хотел вести на Скифию войска.
Но скифы, как всегда, явились сами.
И вот уже их конница близка.

Уже вся даль их облаком покрыта
И в нем клокочет ржание коней,
И выбивают плоские копыта:
“Мы скифы... Мы мудрее... Мы древней...

Сильнее мы...” И дрогнул царь надменный
И за болота в ужасе бежал.
И мирный гонг, как колокол отменный,
Звонил по тем, кому принадлежал...

Начало есть... Теперь пора о главном.
О том, чем время тешится в судьбе:
Пока мужья в походе были славном,
Не забывали жены о себе.

Они уже не бились в стены лбами.
Моля богов скорей вернуть мужей.
Они сошлись с презренными рабами,
Своих господ сменив на сторожей.

Они сынов рабам понародили.
Они раба поставили главой.
Но вот однажды их предупредили,
Что их мужья идут к себе домой.

Да, двадцать лет! Как вздох один промчались.
Как миг один, в походах и боях.
И слух был верен. Скифы возвращались,
Вздымая пыль уже в родных краях.

Они любовь и сладость предвкушали.
Они рабов и скот с собой вели.
И впереди гонцы, как псы, бежали
Во все концы родимой их земли...

И возопили жены: “Нам прощенья
От них не ждать... Погибель к нам идет...
И если нет меж нами разобщенья,
То раб рабов на скифов поведет,

Иначе смерть сынам, от вас рожденным -
Ничем другим мы вас не убедим...
Да будет гибель скифам побежденным!
Да будет наш поход непобедим!”

И вняв таким речам, рабы восстали.
И, как один, восстали их сыны.
И были степи, где войска их встали,
Широким рвом вокруг обнесены.

А к скифам их гонцы ни с чем вернулись.
И рассказали все, хрипя от слез.
И скифы подобрались, встрепенулись,
Хоть их рассказ не приняли всерьез.

И лишь когда приблизились - узрели,
Став на привал у редкого леска,
Своим глазам поверив еле-еле:
Холмы шатров, повозки и войска.

И подойти к ним было невозможно,
Поскольку окружал их ров, как страж.
И скифы, расседлав коней, тревожно
Подумали, что это не мираж.

И все же, отоспавшись, утром рано
Идти решили прямо до конца.
Но первая же колотая рана
Сразила насмерть скифского бойца.

И отступили скифы, видя твердость
Тех, про кого не знали ничего.
А обойти врага мешала гордость:
Как это так? Куда и от Кого?

И встал вопрос нелегкий: “Что за люди?
И с чем их противление связать?
Ведь вот земля родная, как на блюде,
Но блюдо невозможно в руки взять.”

Осатанели скифы... То ли дело
В чужие земли запросто вступить...
И вновь их войско сильно поредело,
И вновь, ни с чем, пришлось им отступить...

Так двадцать дней рабы сопротивлялись,
А скифы не могли найти ответ.
Мечи ломались, копья притуплялись,
И двадцать дней прошли, как двадцать лет.

И скифы те, что Азию прибрали
К своим рукам, заставив дань платить,
В недоуменье полном пребывали,
Не зная, как свое же захватить...

Рабы... Рабы! - догадка вдруг явилась.
И вроде стало ясным все сполна...
Но надвигаясь вновь, остановилась
И откатилась скифская волна.

И вот тогда старейшины решили
Сменить мечи на розгу и на плеть.
На то, чем над рабами суд вершили:
Так было... Есть... И вечно будет впредь...

Рабы всегда ведут себя по-скотски
И им всегда приятно падать ниц,
Поскольку их чарует хлыст господский,
Как взгляд змеи чарует глупых птиц.

А плеть, как неизбежный признак власти
У нас в войсках имеет скиф любой...
Сказали так и приутихли страсти,
Ведь скоро ждал последний самый бой.

И, словно им шлея под хвост попала,
Как муравьи повсюду расползлись,
Камней насобирали где попало
И с ними снова вместе собрались.

И волоча их сильными конями,
Глубокой ночью, по траве и пням,
Ров забросали этими камнями
В местах, где путь наметили коням.

И в первый раз за двадцать лет спокойно
Уснули скифы рядом с лошадьми,
Предвидя, как сдадутся им покорно
Себя вообразившие людьми...

И получилось так на самом деле,
И от плетей, как жалкие глупцы,
Рабы бежали, чувствуя на теле
Кровавые, как судьбы их, рубцы.

Был каждый раб рубцом таким украшен.
И каждый скиф раз триста поднял плеть.
И плеть рабу и свист ее был страшен:
Так было... Есть... И вечно будет впредь...

Вот так сломалась жалкая надежна,
И сто голов скатились с рабских плеч.
Раба не спрячет пышная одежда.
Кто раб в душе, тем не поможет меч.

Ведь только-только рабская десница
Почувствует, что бьет в зрачок гроза,
Как вновь тиран спасителем ей мнится
И вновь она спешит закрыть глаза.

И потому нет страсти постоянной,
Чем та, когда страшась таких минут,
Приходится искать все покаянной
Себе на шею гибельный *хомут...*

Пусть раб богат. Пусть он народом правит.
Пусть он силен и стражами храним.
Его душа другой себя проявит,
Как только плеть поднимется над ним.

Тогда на нем рубец проступит ярко,
Как вечное уже тавро его...
Он только раб. Его, конечно, жалко.
Но только лишь... И больше ничего.

АПОСТЕОРИ АНТИЧНОЙ ЛИРИКИ

Опять вы сидите на мокрых канатах,
Венчая куда-то идущее судно.
И в криках, как будто в обрыдших командах,
Мы что-то скоромное слышим подспудно.

В воздушной струе, открестившись от суши,
Мелькаете стаей в сиянии скудном,
Как будто поспешно летящие души,
Над нашим замедленно тонущим судном.

Вы стонете словно... Но мы то не стонем,
Что вы не хотите помочь нам советом,
А только вопите о том, что мы тонем,
Хотя и самим нам известно об этом.

Недаром нам брызги впиваются в брюки
И все бы арабской казалось нам сказкой,
Когда бы далекие женские руки
Бежали по бедрам, питая их лаской.

А мы бы сжимали жемчужные зубы,
Хоть ласки гранит переплавить могли бы...
Но рыбой на палубе свалены судьбы.
И судно идет под созвездием Рыбы.

Повсюду в пространстве и в черной пучине,
И в каждой каюте, и там, где хотите,
Одни только рыбы... По этой причине
С упорством таким вы за нами летите?

Вам скоро расстаться придется с насестом...
Нас, некие, тоже хотели покинуть,
Как крысы, спасаясь бессмысленным бегством,
Не зная, что вместе не страшно погибнуть.

Спасались... И стали добычей скорее.
Глазищами в море невидяще пучась.
Тиран наш, как рыба, коптится на рее -
Теперь то разделит и он нашу участь.

И толку то было бежать от короны,
Когда только волны корму огибают.
Чем суша-то лучше? Там тоже вороны,
Как вы здесь, добычу свою опекают.

И если в вас чьи-нибудь души вселились,
Спеша и толкаясь совсем не по чину,
То видно не очень они веселились,
Когда, как и мы, погружались в пучину...

Заманчива даль перемены азартной
И дикая легкость пернатого тела!
Но даже и в небе плакушей базарной
Моя бы душа пребывать не хотела.

Зачем ей, кромсая крылами тугими
Вот этот морской нескончаемый воздух,
Так нудно и громко стонать над другими,
Не звук выражая гортанью, а отзвук?

Родясь бы, от доли такой затужила
Душа. И усохла бы, словно от боли.
Не лучшей ли доли она заслужила,
Пусть даже не ведая собственной доли?

Мы знаем об этом незнание печальном,
В котором так много неведомых взмахов
Прощальных и смутных, на камне причальном.
Нацеленных в нас бесконечности знаков.

Мы черпаем воду. Но мы не пылаем
Желаньем скорее ей судно наполнить.
А чаши полнее наполнить желаем,
Когда нам желают об этом напомнить.

Мы знаем, что канем в пучину навеки.
Что к суше один лишь обломок прибьется.
Увы... Не ошиблись великие греки
Сказав, что дожить до седин не придется.

Сказав, что не меч нас в сраженьях порубит,
А эта, забывшая берег неблизкий
Волна нас любовью своею погубит,
Как прежде Елена народец фригийский.

Мы знаем, что уж нам на гуще гадают,
Что бьется совсем не на счастье посуда,
Что Родина наша чуть меньше страдает
О нас непутевых, вдали мы покуда.

Мы знаем, что дух не получит признанья,
Что рока того не избегнем и мы с ним.
И все-таки знание этого знанья
Не значит, что знанья иного не мыслим.

Поэтому там, у сознанья в спирали,
Своим откровеньям не ведая меру,
Мы знаем, что знанья напрасно стирали
В извилинах наших в бессмертие веру.

Что нет ни суждений, ни поисков ложных,
С которыми с вечности можно скатиться.
Пока между знаний противоположных
Стоит компромисс и мешает схватиться.

Поэтому смешанный с илом единым
Казалось бы вновь появлюсь я едва ли.
Но в песне Гомера стою невредимым
И с вами болтаю, крылатые твари.

И, вроде безглазый, я ведаю взглядом,
Что в трюмах не рыб, а людей понабито
До края... Что женщина дальняя рядом,
И судно не тонет, хоть днище пробито.

АГОНИЯ

Грехи считая и огрехи,
Во лжи и лести как во гриме,
Самонадеянные греки -
И вы не вечны в Вечном Риме.

Вам души время хладом студит
И ваши судьбы опыляет,
И консул вас все тот же судит,
И вашу власть определяет,

Но так лицо его помято
В руках изменчивого мира,
Что вам сегодня непонятно,
Кому плетут венок из мирта.

Втирая пыль свою в ступени
И сатанея от зевоты
Под вашим кровом, словно тени,
Снуют кровавые заботы.

Давно добро для вас условно
И в лучшем случае банально,
И если плачете, то злобно,
А коль смеетесь, то злорадно.

Ваш Рим со славой разлучился,
Поразбежались легионы,
Как будто взял и разучился
Летать потомок гальционы.

Как перья, выпали все спицы
Из колесницы на порошу
И нет такой могучей птицы,
Чтоб взять на крылья эту ношу.

Арены пыль не месят ноги
И в высь ее не поднимают.
Вино и кровь - все взяли Боги
И вас теперь не понимают.

Забыты предков отголоски
И не идут суда по рекам,
И не порушены прически
На головах противных грекам.

И вы давно устав плодиться,
Стремясь к забвенью и покою
Чтобы с Хароном расплатиться
Обол храните за щекою...

Вот так бесследно все мы канем,
Потешась всласть последней ролью
Там, где мочой пропитан камень
И Рема преданного кровью.

Мы ждем, когда придет к нам кара
И не браним ее за спешку.
И в бане статуя Икара
Из воска сделана, в насмешку...

БОГИНЯ

Однажды, в нашем времени, тупея от статичности,
С блаженной и растерянной улыбкой на лице,
Мы разумом склоняемся над линией Античности,
Которая теряется в неведомом конце.

Наверно, нашей личности она собой касается,
Иначе почему она, заметная чуть-чуть,
Всегда так выразительна, что нам в глаза бросается,
Как если бы вдруг найденный, единственный наш путь.

Мы от его незримости дурели, как от голода.
И с мест своих срывались мы, чтоб, воя от тоски,
В разрушенном Некрополе разрушенного города,
Разыскивать и склеивать различные куски.

Не те мы, кто над вымыслом слезами обливается,
Не те, кто не надеется судьбу перебороть.
И вот в живую линию куски у нас сливаются,
А линия пытается вновь воплотиться в плоть.

И вот над прахом мраморным и вроде бы развеянным,
И вроде бы бесформенно лежащим на крыльце,
Идет живая женщина походочкой размеренной
И светит зачарованной улыбкой на лице.

А мы над склепом сумрачным стоим и словно молимся,
Улыбку эту дивную срывая, как цветы.
Еще и словом ласковым друг с другом не обмолвимся,
Но вроде как отмоемся от нашей суеты.

И все-таки от ясного ее мы взгляда прячемся,
Но мы уже не ячимся, хваля свое житье,
А видя эту женщину и каемся, и плачемся,
И просим запоздалого прощенья у нее.

А ведь осколки линии мели недавно метлами.
Недавно в храме попруном трясли дрянным бельем.
И в собственном акрополе себе казались мертвыми.
И вот теперь поверили, что все-таки живем.

Богиня смотрит пристально, и плащ скользит по талии
И складками касается ожившего плюща.
И кажется, что линия Античности все далее
Незримо продолжается от этого плаща.

И мы блаженно думаем туда за ней отправиться,
Куда летят рассеянно над нами облака.
И где уже заведомо не можем не понравиться.
И где уже заведомо не оскверним века.

Мы смотрим на задумчивость ее благообразную
И шепчем по затейливой душевной простоте:
“Богиня! Дай нам, милая, забыть ничтожность праздную,
Веди нас к плодородию, к любви и красоте...”

БЕЗ ИМЕНИ

*Если не удавалось найти
останки погибшего или
пропавшего на чужбине героя,
греки сооружали, так называемый,
кенотаф (пустую могилу), то есть
надгробие без тела. Высекали
на нем имя и ухаживали за ним,
как за настоящей могилой.*

Это не ложная весть.
Это не злобный навет.
Холмик на Родине есть.
Тела под холмиком нет.

Я никуда не пропал -
Это друзья-хитрецы
Сделали так, что попал
Я навсегда в мертвецы.

Им так удобнее жить,
Чтобы свой крест не нести,
В смысле, уже не спешить,
Чтобы найти и спасти.

Я не ищу в них вины -
В этом поблажка моя.
Ну и, с другой стороны,
Ведь не внакладе и я.

Знание, что ты позабыт -
Самый надежный приют,
Если уже я “убит”,
Значит уже не убьют...

Время спокойно идет,
Не суетясь, не кляня.
Только одно лишь гнетет:
Имени нет у меня.

Так уж сошлось в суете,
Что исключив из людей,
Имя мое на плите
Выбил могильщик-злодей.

Как же мне спорить с Творцом
Если по воле его
Вбита здесь в камень резцом
Суть бытия моего?

Но не напрасно я жил:
Вот на краю у плиты
Кто-то цветы положил.
Милая, может быть ты?

Больше сюда не ходи
С грешной своей суетой.
Замуж скорей выходи.
Здесь пустота под плитой.

Не становись в мою тень.
Не утверждай, что любил.
Не вспоминай меня тем,
Кем никогда я не был...

Лик мой, как небо, свинцов.
Взгляд мой над жизнью парит.
Сколько таких “мертвецов”
Промысел Божий творит!..

Имя гранитом впитав,
И не суля ничего,
Гордо стоит Кенотаф,
Кушай хоть с маслом его.

Впрочем, довольно уже
Плачем судьбу искушать,
Так же, как вечной душе
Мысли о смерти внушать.

Хватит, надежду тая,
Без толку биться об лед...
Снова на Родине я.
Родина имя вернет.

Содержание

Могила.....	3
В трактире	5
День рожденья	8
"Мои друзья переженились"	10
Птичка.....	12
Философия дома	14
Состояние	17
Романтика по русски	19
Лифт	21
Дворник.....	23
Комната плача	24
Русский сон	26
"Утро. Птицы просыпаются."	28
Примета.....	29
"Две рати во мраке сошлись"	33
"Опять вся Россия читает "Отче наш..." ..	37
Чучело орла.....	39
Попытка причастия	41
Утренняя улица.....	43
Облака.....	45
"Свидетель безликих идей"	49
"Мне Черный Ворон чудится"	50
"Так много жизни за плечами"	52

"Боже, как часто мы плачем!"	53
"Не ветер северный гудит"	55
Дрова.....	57
О сердце.....	60
Лунный свет.....	62
Как живется?.....	64
Дом.....	65
Утренний автобус.....	67
"Весна на Заречной улице" ..	69
Терминология.....	71
"Утро. День. Вечер. Ночь. "	74
"На самом первейшем"	75
"Холодно вдаль мне идти"	77
Баллада о мужчине и женщине	79
Вопрос.....	83
Пирамида.....	85
Сиреневый прогал.....	86
Молитва.....	88
Люблю.....	90
"Это ты мою лодку направила к скалам" ..	92
Женщине	94
В тупике.....	95
Часы.....	97
Прошедшее чувство.....	99
Понедельник	102

"Мы с шампанским пообедаем".....	104
Перст судьбы.....	105
Герань в окне.....	108
Путевой обходчик	110
На горе.....	113
Зимняя ночь.....	116
Тень полета.....	118
Застывший огонь.....	120
Зимний пилот.....	122
Обыватели.....	124
Из крымских легенд.....	126
Апостеори античной лирики	134
Агония.....	139
Богиня.....	142
Без имени.....	145

**Издатель: Хабаровская писательская
организация.**

Хабаровск, пер. капитана Дьяченко, 7-а.